

**Учреждение Российской академии наук
Институт философии РАН**

На правах рукописи

ПОДРОГА Юлия Валерьевна

**Образы и понятия длительности в философии
А. Бергсона**

Специальность 09.00.13 – религиоведение, философская
антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва 2009

Работа выполнена в секторе аналитической антропологии
Учреждения Российской академии наук Института философии РАН

Научный руководитель:

- кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИФРАН
Петровская Елена Владимировна

Официальные оппоненты:

- доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИФРАН
Блауберг Ирина Игоревна

- доктор философских наук, профессор кафедры истории
зарубежной философии, декан философского факультета РГГУ
Губин Валерий Дмитриевич

Ведущая организация

Кафедра истории и теории мировой культуры Московского
Государственного Университета им. М.В. Ломоносова

Защита диссертации состоится «__» _____ 2009 г. в _____ час.
на заседании Диссертационного совета (шифр Д.002.015.01) по
защите диссертации на соискание ученой степени доктора
философских наук при Институте философии РАН по адресу:
119992, Москва, ул. Волхонка, д. 14, зал заседаний Ученого совета
(к. 524)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
философии РАН

Автореферат разослан «__» _____ 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук

Фокин. А.Р.

Общая характеристика диссертации

Диссертация посвящена реконструкции формы и содержания понятия «длительность» в философии А. Бергсона (1859-1941).

Актуальность темы исследования.

К началу XX века в западноевропейской философии и науке сложилась новая конфигурация знания, в рамках которой классическое понятие времени было подвергнуто существенному пересмотру. Появление антропологических, виталистских и экзистенциальных тенденций в понимании бытия человека и его положения в мире привело к переосмыслению роли и статуса фундаментальных метафизических категорий, указало на необходимость установления нового отношения между понятием и опытом, в котором опыту отводилась бы первостепенная роль. В этой связи формирование нового понятия времени сопровождалось критикой как количественного и аналитического, прикладного характера времени, так и его метафизико-теологического значения, привязанного к понятию вечности. Хайдеггеровское решение проблемы, создание онтологии времени и утверждение временности и конечности человеческого бытия, оказало глубокое воздействие на развитие западноевропейской и, в особенности, французской мысли XX века. Но ни хайдеггеровский вариант экзистенциально-онтологической трактовки времени, ни гуссерлевская феноменологическая версия не могут быть до конца поняты, если не учитывать ту работу по первоначальному выделению антропологического смысла времени, которую совершил Анри Бергсон еще в конце XIX века. Предложив понятие длительности, традиционно принадлежащее сфере влияния классического понятия времени, Бергсон повел атаку сразу на два фронта. Ему удалось вывести длительность из подчинения времени, не просто отождествив ее с переживаемым временем, временем души (в таком случае можно было бы продолжать использовать слово «время», как это сделали Э. Гуссерль и М. Хайдеггер), но выдвинув на первый план специфику самой формы слова – его качество «дления». Особенность понятия, вводимого и обосновываемого Бергсоном, состоит в том, что оно играет в его системе как минимум двойную роль. С одной стороны, оно отсылает к определенному, достаточно обширному, предметному полю, в рамках которого его содержание может пересекаться с содержанием таких понятий, как жизненное время, изменчивость, субстанция, бытие. Его значение для мысли Бергсона сопоставимо с тем значением, которое имели понятия «когито» для Р. Декарта,

«монада» для Г.В. Лейбница, «поток сознания» для У. Джеймса или, наконец, «Dasein» для М. Хайдеггера. С другой стороны, оно обладает определенной *операциональной* формой, является инструментом мысли Бергсона (для сравнения, такими же операциональными понятиями были для Г.В.Ф. Гегеля «Aufhebung», для С. Киркегора – «подвешивание», а для Э. Гуссерля – «ἐπιχώρησις», или «заключение в скобки»). Именно благодаря этой форме и можно произвести реальное отделение понятия «длительность» от понятия «время». Поскольку предметное поле, которое обозначает «длительность», по сути дела, не ново, оригинальность понятия нужно искать в области его концептуальной формы.

В современном контексте научного знания понятие длительности привлекает особое внимание, поскольку участвует в общем процессе трансформации концептуальности в западноевропейской мысли XX века. Значение и важность Бергсона для современной мысли заключается в характерном для его философского метода экспериментировании с понятийным, дискурсивным строем мысли. Длительность – не предданный объект мысли, это понятие образуется в результате самой практики мышления, следующего за реальностью в ее малейших изменениях и отклонениях. Исследование этого понятия должно не только пролить свет на устройство философской системы Бергсона, но и заложить основы для общего анализа статуса и функционирования философского понятия как такового. Поэтому данная работа представляет собой лишь начальный этап изучения концептуальных (и а-концептуальных) тенденций в системах философии и искусства XX века и разнообразного аналитического аппарата, в них разрабатывающегося.

Предмет исследования.

Предметом исследования является эволюция формы и содержания понятия «длительность», начиная с «Опыта о непосредственных данных сознания» и заканчивая «Творческой эволюцией».

Объект исследования.

Объектом исследования является положение и функция философского понятия внутри системы мысли, в данном случае – в философской системе Бергсона.

Научная новизна.

В данном диссертационном исследовании впервые предпринимается попытка поэтапно проследить конституирование понятия «длительность» в философии А. Бергсона. При этом

- подчеркивается кардинальное отличие этого понятия от традиционного понятия «время».

- показывается, каким образом становление понятия обусловлено его языковым происхождением: обосновывается зависимость понятийной формы длительности от того смыслового ядра, которое выявляется в результате этимологического и лексического анализа.

- выделяются ключевые моменты образования этого понятия, каждый из которых соответствует введению новой концептуальной черты.

- формулируется гипотеза об операциональном характере длительности, поэтому особое внимание уделяется изучению техники мысли Бергсона и способам его аргументации.

- выявляется, что наряду с понятийным дискурсивным мышлением, философская мысль Бергсона опирается и на так называемое « мышление в образах », причем образы сами зачастую играют квази-понятийную роль.

Степень разработанности темы.

Философии Бергсона в целом посвящен огромный корпус интерпретаторской литературы. Первая волна бергсоноведения породила комментарии и исследования, во многом способствовавшие расцвету «бергсонизма» в первой половине XX века. Здесь стоит отметить монографии Э. Ле Руа, Ж. Маритена, Р. Ингардена, А. Тибодде, Ж. Шевалье, В. Янкелевича, Г. Башляра, Л. Юссона, Ж. Валя, А. Робине¹, Ж. Делеза², а также статьи Ш. Пеги, Э.

¹ *Le Roy É.* Une philosophie nouvelle. Henri Bergson. P., 1912; *Maritain J.* La philosophie bergsonienne: études critiques. P., 1914; *Ingarden R.* Intuition et intellect bei Henri Bergson. Darstellung und Versuch einer Kritik // *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*, 1921; *Thibaudet A.* Trente ans de la philosophie française. Le Bergsonisme. P., 1923; *Chevalier J.* Bergson. P., 1926; *Jankélévitch V.* Henri Bergson. P., 1931; *Bachelard G.* La dialectique de la durée. P., 1936; *Husson L.* L'intellectualisme de Bergson. Genèse et développement de la notion bergsonienne d'intuition. P., 1947; *Wahl J.* Tableau de la philosophie française. P., 1962; *Robinet A.* Bergson et les métamorphoses de la durée. P., 1965.

² *Deleuze G.* Le Bergsonisme. P.: PUF, 1966 (рус. пер.: *Делез Ж.* Бергсонизм // *Делез Ж.* Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000). Эта книга Жюль Делеза до сих пор остается одним из немногих действительно философских прочтений Бергсона, работающих с понятийным строем его мысли и выявляющим оригинальность его метода. Хотя длительность и не является единственным предметом этого исследования, она рассматривается как одно из ключевых понятий философии Бергсона наряду с «памятью» и «жизненным порывом».

Брейе, М. Мерло-Понти³. После длительного спада, с конца 80-ых годов XX века наблюдается возрождение интереса к философии Бергсона. В этот период был опубликован целый ряд работ и монографий таких авторов, исследователей творчества Бергсона, как Ф. Сулез, А. Юд, А. Филоненко, Ж.-Л. Вьейар-Барон, Ф. Азуви, П.-А. Микель⁴. Пристальное внимание в настоящий момент вызывают работы Ф. Вормса и целого круга молодых исследователей, входящих в возрожденное в 2006 году, после более чем тридцатилетнего перерыва, «Общество друзей Бергсона». Совместными усилиями членов этого общества к данному моменту вышло уже четыре тома «Бергсоновских анналов»⁵, включивших статьи исследователей со всего мира. Понятие «длительность» изучается здесь в рамках анализа компаративистского толка, задача которого состоит в выявлении как явных, так и скрытых влияний, оказанных философией Бергсона на развитие философской мысли XX века.

В дореволюционной России были переведены все труды Бергсона, вышедшие к тому моменту во Франции. Основные философские идеи Бергсона были восприняты с большим воодушевлением: на них реагировала как философская среда (Флоренский, Бердяев, Лопатин), так и литературно-художественная (Бергсона читали, например, Пастернак, Мандельштам). Идеи Бергсона оказали существенное влияние на становление философских доктрин Н.О. Лосского, С.Л. Франка, С.А. Аскольдова и др.⁶. Философия Бергсона обсуждалась в разнообразных контекстах,

³ *Péguy Ch.* Note sur M. Bergson et la philosophie bergsonienne // Cahiers de la quinzaine. P., 1914; *Bréhier E.* Images plotiniennes, images bergsoniennes // Les études bergsoniennes. Vol. 2. P., 1949; *Merleau-Ponty M.* Éloge de la philosophie; Bergson se faisant // *Merleau-Ponty M.* Éloge de la philosophie. P., 1960 (рус. пер.: *Мерло-Понти М.* В защиту философии; Сам себя создающий Бергсон // *Мерло-Понти М.* В защиту философии. М., 1996).

⁴ См.: *Soulez Ph.* Bergson politique. P., 1989; *Hude H.* Bergson. P. T. I - 1989; T. II – 1990; *Philonenko A.* Bergson ou De la philosophie comme science rigoureuse. P., 1994; *Vieillard-Baron J.-L.* (éd.) Bergson. P., 1991. *Vieillard-Baron J.-L.* (éd.) Bergson ou le bergsonisme. P., 1999; *Azouvi F.* La gloire de Bergson. P., 2007; *Miquel P.-A.* Bergson ou l'imagination métaphysique. P., 2007.

⁵ *Annales bergsoniennes I: Bergson dans le siècle.* P., 2002; *Annales bergsoniennes II: Bergson, Deleuze, la phénoménologie.* P., 2004; *Annales bergsoniennes III: Bergson et la science.* P., 2007; *Annales bergsoniennes IV: L'évolution créatrice 1907-2007: épistémologie et métaphysique.* P., 2008.

⁶ Влияние Бергсона на этих философов подробно рассмотрено в недавно вышедшей на русском языке книге: *Нэттеркотт Ф.* Философская встреча. Бергсон в России (1907-1917). М., 2008.

основные ее аспекты освещались в различных статьях и книгах, хотя исследований по философии Бергсона как таковой практически не было⁷. После революции ситуация разительно меняется: как и во Франции, хотя и по другим причинам, Бергсон попадает в разряд реакционных буржуазных философов-спиритуалистов, противников рационального знания. Тем не менее, в 20-30 годах XX века идеи Бергсона, особенно периода «Творческой эволюции», продолжают жить как в философии и науке (в особенности биологии⁸), так и в области искусства и литературы⁹. Из источников, вышедших уже в советское время, стоит отметить книги В.Ф. Асмуса «Проблема интуиции в философии и математике» (1963), где в том числе рассматривается и теория Бергсона, и К.А. Свасьяна «Эстетическая сущность интуитивной философии Бергсона» (1978), а также ряд статей, в числе которых работы П.П. Гайденко, Т.А. Кузьминой, М.А. Рубене и И.И. Блауберг¹⁰. В 90-ые годы вышли работы Г.Н. Нерпиной, Т.И. Барсуковой, И.И. Гарина, А.Б. Гофмана, К.В. Симакова¹¹. В 2003 году был опубликован фундаментальный труд И. И. Блауберг¹², основательно и целостно представляющий философские идеи Бергсона и их эволюцию. Из диссертаций, защищенных за последнее время, можно отметить работы С.С

⁷ Непосредственно философии Бергсона посвящены следующие работы: *Бабынин Б. Н.* Философия Бергсона // Вопросы философии и психологии, 1911; *Аскольдов С.А.* Время и его религиозный смысл // Вопросы философии и психологии, 1913; *Лазарев А.* Философия Бергсона // Мысль и слово, 1917; *Лосский Н.О.* Интуитивная философия Бергсона. Пг., 1922.

⁸ Стоит упомянуть В.И. Вернадского, С.Л. Берга, А.А. Любищева.

⁹ С идеями Бергсона были хорошо знакомы А. Белый, а также писатели общества ОБЭРИУ Д. Хармс и Я. Друскин. См., например: *Fink H.* Bergson and Russian modernism, 1900-1930. Evanston, 1999.

¹⁰ *Гайденко П.П.* Категория времени в буржуазной европейской философии // Философские проблемы исторической науки. М., 1969; *Кузьмина Т.А.* Проблема субъекта в современной буржуазной философии. М., 1979; *Рубене М.А.* Кантовское учение о времени и его интерпретация в философии жизни и феноменологии // «Критика чистого разума» Канта и современность. Рига, 1984; *Блауберг И.И.* Интуиция как философский метод в концепции А. Бергсона // Проблема метода в современной буржуазной философии. М., 1986.

¹¹ *Нерпина Г.Н.* Учение Анри Бергсона о языке // Актуальные проблемы истории и теории эстетики. М., 1990; *Барсукова Т. И.* Проблема "память - время" в гносеологических воззрениях И.Канта и А. Бергсона. Ростов н/Д., 1991; *Гарин И.И.* Воскрешение духа. М., 1992; *Гофман А. Б.* Общество, мораль и религия в философии Анри Бергсона // *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М., 1994; *Симаков К.В.* Теория конкретного времени А. Бергсона // Вестник РАН, 1996, Т. 66, № 1.

¹² *Блауберг И. И.* Анри Бергсон. М., 2003.

Глазкрицкой и Н.В.Трахировой¹³, посвященные сравнительному анализу интуитивизма Бергсона и Лосского.

Таким образом, можно сказать, что большинство исследователей как зарубежных, так и отечественных интересовались в первую очередь проблемой интуиции и критики интеллекта, а понятие длительности воспринимали только в рамках новой концепции времени, предложенной Бергсоном. В данной диссертации понятие длительности противопоставляется понятию времени и рассматривается в более широком аспекте не только как некоторое содержание (переживаемое время), но как форма мысли – мышление, которое сам Бергсон называет мышлением с точки зрения длительности.

В связи с этим **целью исследования** является обоснование понятия «длительность» в качестве не только метафизического понятия, но и понятия операционального, а также определение его конструктивных черт, благодаря чему станет возможным его систематическое использование как одного из инструментов современного философского анализа.

Для достижения поставленной цели в **задачи исследования** входит:

- показать необходимость разработки нового подхода к понятию «длительность» как в рамках изучения системы Бергсона, так и в контексте философского анализа проблемы времени: этот подход выявляется через обращение к этимологии длительности;
- выделить наряду с содержательной стороной формальную сторону понятия, определить «семейство» вспомогательных понятий, его обслуживающих, и описать основные функции длительности в философии Бергсона;
- раскрыть значение образов и метафор для построения понятия «длительность» и их положение в дискурсе Бергсона;
- показать операциональность длительности, то есть проанализировать ее как понятие, закладывающее «мышление с точки зрения длительности», которое в дискурсе Бергсона выражается при помощи двух параллельных операций: темпорализации пространства и опространствливания времени.

¹³ Глазкрицкая С.С. Интуитивизм в западноевропейской и русской традициях: А. Бергсон и Н. О. Лосский. Диссертация кандидата философских наук. Ростов н/Д., 2002; Трахирова Н.В. Интуитивистские воззрения Анри Бергсона и Николая Лосского. Сравнительный анализ. Диссертация кандидата философских наук. Краснодар, 2006.

Методология и теоретическая база исследования.

Методология диссертации определяется целью, задачами и предметом исследования.

Понятие длительности – основополагающее понятие философии Бергсона, на котором держится вся его философская система. Оно действует сразу на нескольких уровнях: обозначает определенный *опыт* мысли и в то же время выражает некоторый ее результат – *объект* мысли; определяет теорию познания Бергсона, является эвристическим понятием, но при этом лежит в основании фундаментальной онтологии времени, им разрабатываемой. Сложность организации этого понятия требует особого подхода.

В качестве фундаментальной методологической базы исследования следует выделить несколько идей:

1. При выработке метода и подходов к реконструкции понятия «длительность» в качестве точки отсчета было использовано различие, на котором основывалась полемика вокруг Декарта между двумя школами интерпретации, одну из которых представлял Ф. Алькье, а другую – М. Геру. Если Алькье придерживался идеи о том, что чтение философского произведения должно следовать логике значений или логике открытий, то есть выявлять тот первичный экзистенциальный опыт, который порождает философскую мысль, то Геру, наоборот, настаивал на том, что философский текст построен в первую очередь согласно «логике доказательств» и является рациональной конструкцией, подчиненной объективным логическим законам. Эти две крайние точки зрения дополняют друг друга и позволяют выработать разносторонний и гибкий подход к философии Бергсона. Настоящее исследование построено поэтому согласно двум уровням анализа. С одной стороны, тексты Бергсона исследуются согласно дискурсивному плану или плану понятий, рассматриваемых как некоторые конечные высказывания философии Бергсона, ее «результаты». С другой стороны, показывается, что понятийный макро-уровень не может быть осмыслен без обращения к предпонятийному плану мысли: плану интенций, образов, вспомогательных понятий, поясняющих схем, и т.д. Работа учитывает сосуществование двух этих планов в философии Бергсона и стремится установить между ними отношение.

2. При разработке структуры диссертации и поиске способов проблематизации понятия длительности особое внимание было уделено идее А. Робине о динамической трансформации, высказанной им в книге «Бергсон и метаморфозы длительности». Им вводятся три темпоральных типа: длительность-понятие,

противостоящее понятию времени; психологическая длительность или длительность глубинного «я»; и первоначальная онтологическая длительность. Последний тип – ключ к пониманию всех «эмпирических» длительностей, принцип *различия* между гомогенным и гетерогенным, качеством и количеством, концептуальным и экзистенциальным. Идея различия или дифференциации развивалась, кроме того, Ж. Делезом, который обосновывает свою методологию работы с текстами Бергсона следующим образом: «Если уж мы столкнулись со столь сложными текстами, то задача комментатора умножать различия, даже и особенно тогда, когда эти тексты ограничиваются указанием на такие различия, а не строгим полаганием их»¹⁴. Аналитическая работа Делеза была мало использована в последующих исследованиях по Бергсону, и многие, безусловно, продуктивные ходы, представленные в его книге, остались без должного внимания.

Примером внимательного прочтения текстов Бергсона может служить подход М. Мерло-Понти в работе «Единство души и тела у Мальбранша, Бирана и Бергсона»¹⁵. Подробно анализируя наиболее сложные и проблемно насыщенные пассажи из «Материи и памяти», автор характеризует манеру философствования Бергсона как «колебания мысли». Мысль «кружится» вокруг своего объекта, принимая на него различные, порой кажущиеся противоречивыми точки зрения. За этими движениями мысли как необходимыми этапами ее развития комментатор и должен неотступно следовать. Такое предписание можно найти и у В. Янкелевича, утверждавшего, что метод Бергсона и практика свободного размышления – это одно и то же. Понятие длительности для него является особого рода *опытом* мысли. В этой традиции историко-философского комментирования и текстологического анализа можно поместить и метод Ф. Вормса, отстаивающего «медленное» чтение текстов Бергсона, которое, по его мнению, должно выявить критическую генеалогию понятия длительности.

3. В качестве общетеоретической литературы при анализе аргументации были использованы «Новая риторика: трактат об аргументации» Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки, а также книга

¹⁴ Делез Ж. Бергсонизм // Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. С. 140. (пер. Я.И. Свирского уточненный мной. – Ю.П.)

¹⁵ Merleau-Ponty M. L'Union de l'âme et du corps chez Malebranche, Biran et Bergson. P., 1997.

М. Финоккьяро, посвященная «Диалогу» Галилея¹⁶, которая дает прекрасный пример анализа текста с точки зрения его структуры, логики обоснования, риторических приемов, используемых в нем примеров и аналогий.

4. В качестве основных теоретических источников использовались произведения Бергсона: «Опыт о непосредственных данных сознания», «Материя и память», «Творческая эволюция», «Два источника морали и религии», «Длительность и одновременность» и сборники статей: «Мысль и движущееся», «Духовная энергия»¹⁷, а также ряд текстов, включенных в сборник «*Mélanges*»¹⁸, в который вошла переписка Бергсона, его выступления и речи. В качестве дополнительных источников были использованы биографические тексты и воспоминания современников: «Воспоминания об Анри Бергсоне» И. Бенруби, «Беседы с Бергсоном» Ж. Шевалье¹⁹. В качестве вторичной литературы привлекался ряд работ Ж. Делеза: помимо посвященных непосредственно философии Бергсона («*La conception de la différence chez Bergson*»²⁰, «*Le bergsonisme*»), – это книга «Различие и повторение», где наряду с влиянием Ницше и Киркегора заметно присутствие интуиций Бергсона, а также «Кино» том 1 и 2²¹, где Делез разбирает бергсоновские тезисы о движении. Русскими источниками для освещения проблемы послужили исследование П.П. Гайденко «Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке»²², а также монография И.И. Блауберг «Анри Бергсон».

¹⁶ *Perelman Ch. Olbrechts-Tyteca L. Traité de l'argumentation: la nouvelle rhétorique.* Bruxelles, 1970; *Finocchiaro M. Galileo and the art of reasoning.* Dordrecht, 1980.

¹⁷ *Bergson H. Œuvres.* P., 1959 (рус. изд.: Собр. соч. в 5-ти томах. СПб., 1913–1914; Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1. М., 1992; «Два источника морали и религии». М., 1994).

¹⁸ *Bergson H. Mélanges.* P., 1972.

¹⁹ *Benrubi I. Souvenirs sur Henri Bergson.* P., 1942; *Chevalier J. Entretiens avec Bergson.* P., 1959.

²⁰ *Deleuze G. La conception de la différence chez Bergson // Deleuze G. L'île déserte et autres textes (1953-1974).* P., 2002.

²¹ *Deleuze G. Différence et répétition.* P., 1968 (Рус. пер.: Делез Ж. Различие и повторение. М., 1998); *Deleuze G. Cinéma I et II : L'Image-mouvement et l'Image-temps.* P., 1983-1985 (Рус. пер.: Делез Ж. Кино. М., 2004.).

²² *Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке.* М., 2006.

Научно-практическая значимость.

Результаты диссертационной работы могут послужить основой для дальнейшего анализа философского инструментария – операциональных и эвристических понятий, которые играют конструктивную роль в образовании философских систем. Кроме того, материалы работы могут быть полезны при составлении общих курсов по истории французской и западноевропейской философии XX века.

Апробация работы.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите в секторе аналитической антропологии Института философии РАН. Основные положения и результаты, полученные в ходе исследования, отражены в серии публикаций и выступлений на русском и французском языках.

Структура работы.

Диссертация включает в себя введение, три главы, заключение и библиографию.

Основное содержание диссертации

Во Введении обосновывается актуальность темы, рассматривается степень разработанности проблемы, формулируются цели и задачи исследования, характеризуются его теоретические и методологические основания, раскрывается научная новизна, а также практическая значимость результатов исследования.

В первой главе «Концептуальные черты длительности. Логика аргументации в „Опыте о непосредственных данных сознания“(1889)» ставится задача рассмотреть, каким образом вводится и определяется понятие длительности. Каждое из обосновывающих «длительность» дополнительных понятий фиксирует отдельную стадию в организации ее понятийной формы и противостоит соответствующему моменту абстрактного времени: его *делимости, различенности и прерывности*.

В первом параграфе «От слова к понятию» для раскрытия радикальности и новизны понятия длительности по отношению к понятию времени, предпринимается лексико-этимологический анализ слова. Существительное «длительность» обозначает промежуток времени, продолжительность того или иного феномена, а использование этого слова как в русском, так и во французском языке – чисто техническое или терминологическое (длительность ноты, длительность рабочего дня и т.д.). Длительность обладает

независимой от времени природой только в той мере, в которой она длится, не заканчивается. Но как только она заканчивается, она превращается во *временной* отрезок. Если Бергсон избирает слово «длительность», то, очевидно, в силу характера незавершенности, неопределенного дления, ей свойственного.

Во французском языке длительность (*durée*) – это причастие прошедшего времени от глагола *durer*. В любом словаре можно найти две устойчивые области использования этого глагола: с одной стороны, «длиться» означает продолжаться какое-то время, а также – продолжать или заставлять длиться (*faire durer*), с другой стороны – «казаться кому-то долгим, длительным» (*durer à quelqu'un*). Однако, помимо этих двух смыслов продолжительности, активного и пассивного, существует еще одно значение, не имеющее, на первый взгляд, никакой смысловой связи с первыми двумя: значение сохранения и даже сопротивления. Каким же образом слово, обладающее в языке исключительно *временным* смыслом, допускает вмешательство этого, как кажется, совершенно «постороннего», пространственного смысла? На этот вопрос должен ответить этимологический анализ. Слово длительность или *durée* отсылает к латинскому глаголу *durare*, который содержит два ряда значений, представленных в современном французском языке глаголами *durcir* (укреплять, закалять) и *durer* (длиться). Если *duro* 1 принадлежит латинскому корню *du*, и отсылает к такому слову как *dudum* (раньше, давно), обладающему *временным* смыслом, то *duro* 2 происходит от прилагательного *durus* (твердый, стойкий). Этимологический анализ, таким образом, вскрывает основополагающую черту, свойственную длительности: сопротивляемость. Длительность представляет собой *форму* сохранения во времени, вопреки его разрушительному влиянию. Этот аспект значения слова, совершенно необходимый для понимания понятия, утрачивается в переводе на русский язык. Если «длительность» или «дление» в русском языке подразумевает продолжение во времени (пассивное или активное), то *durée* во французском указывает на причину, по которой это продолжение имеет место: в силу устойчивости формы.

Бергсон определяет длительность как особого рода продолжительность – спонтанность изменения, тем самым отрицая за ней общеупотребительное значение неизменности и стабильности. Он делает ставку на качество активности, динамической трансформации, подкрепляемое способностью длительности к сопротивлению, понятию, в свою очередь, как динамическая, а не как пространственная категория. Другими

словами, длительность как изменчивость подразумевает сопротивление.

Во втором параграфе «Анализ идеи интенсивности. Пространственные и временные аспекты» обсуждается первый этап организации понятийной формы длительности. Показывается, как для характеристики длительности вводится черта «сливной множественности», противостоящая делимости абстрактного времени.

На основе наблюдения за глубинными чувствами Бергсон выделяет сознание особого рода («непосредственное сознание»), ориентированное на восприятие длительности как спонтанной изменчивости. На примере анализа идеи интенсивности он показывает, что для понимания непосредственного сознания те понятия, которые используются для определения пространственных аспектов вещей, не пригодны. Так, основное качество чувств, придающее им особую ценность в наших глазах, интенсивность или глубина, интерпретируется рассудочным сознанием как восходящее к идее величины. Идея интенсивности обычно ассоциируется с образом содержащего и содержимого, то есть представляется как отношение «более-менее». Однако этот образ не может объяснить, как и почему *растет* сила и интенсивность чувства. Исходя из опытного наблюдения за развитием чувств, Бергсон предлагает новую серию образов, адекватных рассматриваемой идее. Рост интенсивности чувства интерпретируется как его расширение, экспансия, эманация, окрашивание и пропитывание им «тысячи различных элементов» нашей душевной жизни, которые «взаимопроникают, без точных очертаний, без малейшего стремления существовать в отрыве друг от друга»²³. Глубина чувства говорит о его увеличивающейся сложности, о том, что ему удастся вовлечь в свою орбиту всю целокупность нашего «я» со всеми его мыслями, мечтаниями, волевыми и желаниями. Сила отдельного чувства состоит в том, что оно подпитывается от целого всей нашей душевной жизни, которой оно принадлежит. Поверхностное изолированное чувство, не сообщающееся со всей массой нашего сознания, безжизненно. Чтобы превратиться в «глубокую страсть», «смутное желание» должно пройти через ряд незаметных видоизменений, показать свой характер качественной множественности или «множественности без делимости». Эта множественность, таким образом, сливная. Она не актуальная, не

²³ Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. М., 1992. С. 107.

нумерическая, но скорее виртуальная. Она лишь смутно различается сознанием, ощущается им как нечто возможное, содержащееся в потенции в каждом чувстве. Изменчивость и в то же время неделимость – вот те главные свойства состояния сознания, которые Бергсон представляет в образе окрашивания или образе распространения света. Но эти внутренние изменения не интерпретируются как данные в длительности или во временной последовательности. Душа совпадает сама с собой, полностью себе дана, она не знает времени, ей знакома лишь чистая изменчивость. Именно поэтому Бергсон определяет субъективное как «то, что нам представляется совершенно и адекватно известным»²⁴, как то, что перед нами полностью развернуто и нам доступно. Таким образом, черта качественной множественности описывает внутреннюю, субъективную форму длительности, еще изолированную от внешнего мира и совпадающую пока только с самодовлеющими состояниями сознания.

В третьем параграфе «Антропология пяти чувств» демонстрируется, как на втором этапе организации понятийной формы длительности вводится черта «неделимой последовательности». Бергсон разбирает ряд примеров, приглашая нас задействовать всякий раз наши различные способности: слышать, видеть, осязать, перемещаться. В зависимости от того, наблюдаем ли мы себя в чистой последовательности или же в пространстве, наши действия представляются нам как слитные и нераздельные или же как поддающиеся делению и рядопологающиеся.

Наиболее простой акт, в котором можно наблюдать последовательность, это акт счета. Считая, переходят от одной единицы к другой, то есть от одного момента времени к другому. Но, в действительности, утверждает Бергсон, эта операция разворачивается не во времени, а в идеальном пространстве, в котором одна единица должна удерживаться, ожидая присоединения следующей единицы. Последовательность обычно представляется как выстроенная из таких единиц линия, «части которой соприкасаются, но не проникают друг в друга»²⁵. Эта линия, соответственно, понимается как делимая, то есть состоящая из точек-моментов. Время, таким образом, определяется как отношение «до и после», отношение предшествования и следования, а значит, трактуется в рамках пространственной

²⁴ Там же. С. 85-86.

²⁵ Там же. С. 93.

логики не как временная последовательность, а как одновременность. Однако считать можно не только в пространстве, последовательно рядопологая единицы, но и во времени. Приводя серию примеров с восприятием повторяющихся звуков (ударами маятника или колокола, стуками шагов по мостовой), Бергсон обращает внимание на способность сознания вносить различие в монотонное однообразие и повторение. Тиканье часов может обладать убаюкивающим эффектом именно потому, что воспринимается сознанием как нераздельное целое – ритмическое и музыкальное. Звуки сливаются вместе и образуют нечто вроде качественного аффективного числа: «третья единица, присоединяясь к двум первым, изменяет природу, форму и как бы ритм целого»,²⁶ - говорит Бергсон. Он вводит черту «последовательности без различности» для описания этого процесса продвижения, развития во времени, постоянного превращения формы длительности. Образ линии как пространственной фигуры времени замещается образом музыкальной фразы как выражения чистой длительности. Такая организация последовательных моментов во времени является синтезом, но этот синтез не активен, то есть происходит не извне, а как бы изнутри самих этих моментов. Связь осуществляется не самим сознанием (это не рефлексивный синтез памяти), но в нем и помимо него. Длительность как непосредственное сознание – это то, что различает, то есть воспринимает следующий момент времени как нечто новое и несоизмеримое с моментом предыдущим, тогда как память – это то, что соединяет, продолжает прошлое в настоящее. Но эти две функции, по сути, нераздельны.

В четвертом параграфе «Понятие длительности: к определению границ» вводится и обосновывается черта «непрерывности» – завершающий штрих к образованию понятийной формы длительности. Длительность как «виртуальная множественность» актуализуется в «неделимой последовательности», которая, в свою очередь, обеспечивает *непрерывность* следования или изменения. Чтобы оставаться в зоне действия понятия длительности, необходимо соблюдать ряд условий. Во-первых, сохранять форму длительности, это значит уметь сопротивляться той механистической реальности, которая устанавливает различия между состояниями сознания подобно точкам в пространстве, то есть – аналитическому, количественному времени. Не существует длительности без формы, поэтому каждая

²⁶ Там же. С. 103.

мера длительности обладает сопротивляемостью времени (линейному, регулярному и исчисляемому), превращая его в единый поток моментов, сменяющих друг друга. Без этого сопротивления длительность не могла бы существовать как время внутри времени, то есть как особая форма переживаемого времени. Во-вторых, длиться – значит дать нашему «я» «просто жить», переходить свободно от одного состояния к другому, от настоящего момента к будущему, не задерживаясь на содержаниях этих моментов. Погружение в какое-то одно настоящее переживание или идею, или, наоборот, обращение к прошлому, к воспоминаниям, рискует прервать течение длительности, выбросить нас за ее пределы. Ни одно состояние сознания не может доминировать над целостностью сознания. Необходимо жить этими переходами в длительности, как если бы мы слушали музыку, непрерывно длящуюся мелодию.

Однако для того чтобы удостовериться в том, что мы действительно находимся в области действия чистой длительности, следует выработать некоторые условия наблюдения за самими собой. Длительность не есть непосредственно доступная реальность, как это могло показаться вначале: парадоксальным образом, чтобы дать себе жить, нужно совершить усилие. Проблема самонаблюдения или интроспекции выражается для Бергсона в невозможности одновременно жить и наблюдать. Наблюдая, мы останавливаем течение нашей душевной жизни, мы перестаем жить. А когда мы живем, мы не имеем возможности высказать что бы то ни было о нашей жизни: она не поддается фиксации. Однако именно непрерывность длительности, как сравнительно неизменная и объективная сторона нашего живого опыта, предоставляет нам точку опоры. Длительность как форма сопротивляется установке на наблюдение, на различение, свойственной нашей мысли. Она скрывает в себе свое содержание, то есть чистую изменчивость, делая доступным для нас лишь сам факт этого изменения, непрерывность становления. Таким образом, длительность, с одной стороны, обозначает внутреннюю, изменчивую область сознания, область психологического, но как понятие она начинает формироваться только через то сопротивление, которое она оказывает понятию времени.

Во второй главе «Проблемы восприятия („Материя и память“, 1896)» на примере формирования конкретного восприятия прослеживается *становление* формы длительности. Цель данной главы – показать, что длительность мыслится уже не как длительность некоего слитного промежутка времени, не как внутреннее переживание времени, а как сумма операций, которые

допускаются в анализе временно-пространственного представления длительности (в данном случае длительности восприятия).

В первом параграфе «Чистое восприятие: возможно ли оно?» обсуждается гипотеза чистого (т.е. лишённого длительности) восприятия, выдвигаемая Бергсоном в 1-й главе «Материи и памяти». Чистое восприятие рассматривается как одно из условий образования сознательного, т.е. длящегося восприятия. Его предмет – материя как «совокупность образов», каждый из которых является мгновенным ответом на раздражение со стороны любого другого образа. Любая материальная точка пространства моментально пропускает через себя движения, исходящие из всех других точек пространства. Сознательное же восприятие при помощи памяти перерабатывает материальную одновременность, обращая ее в последовательность. Поэтому, чтобы вернуться к чистому восприятию материальности, мы должны обезличить собственный опыт, лишить его индивидуальных черт, а именно, того, что в него привносит наша личная память, – одним словом, переместиться в бесконечно возобновляемое настоящее. Чистое восприятие предполагает полное растворение воспринимающего в становлении, которым пронизан универсум. Воспринятое всегда там, где вещь, а не там, где воспринимающий, оно – в самих вещах, то есть вне сознания. Конституирование чистого восприятия можно представить с помощью замкнутого на себя кругового движения, в котором момент внешнего раздражения моментально замещается на момент восприятия. Оно образует цикл непрерывного движения, которое проходит «без сопротивления и без потерь», постоянно возвращается на себя и разворачивается поэтому на *одном уровне*.

Однако наша абсолютная имманентность материи невозможна даже гипотетически. Чистое восприятие безлично, но при этом сознательно. Оно нуждается в минимальном действии памяти, связывающей между собой мгновенные образы материи – хотя, как утверждает Бергсон, эти образы не перестают при этом принадлежать материи. Поэтому, несмотря на то, что мы придаем материи непрерывность, фактически вносим в нее собственную длительность, мы не искажаем сути чистого восприятия. Чистое восприятие помещает нас в мире, укореняет в нем и делает опыт материальности если не онтологически первичным для нас, то, по крайней мере, одновременным опыту длительности, который на данной стадии проявляется как непрерывность связывания.

Во втором параграфе «Между памятью и материей» вводятся два типа операций (интервализация и сжатие), которые отмечают собой зарождение индивидуального восприятия.

Действительное восприятие, каким бы коротким оно ни было, необходимо длится. Длительность появляется в тот момент, когда движение вдруг задерживается, когда реакция перестает быть моментальной. Временной зазор проявляется уже внутри деятельности мозга. Раздражение, поступающее со стороны материальной вещи, не передается автоматически двигательным нервам, но проходит обработку в церебральном механизме. Мозг задерживает и отбирает движения. Таким образом, тело организует дистанцию относительно других вещей, и эта дистанция определяет степень его свободы и разнообразие возможных действий на другие тела. Расстояние или дистанция между телом и вещью совпадает с охватом актуального восприятия. Бергсон делает вывод о чисто утилитарном характере восприятия, поскольку оно никогда не ориентировано на созерцание или познание вещей, но всегда направлено только на то, что интересует в данный момент тело, на что оно способно распространить свое влияние. Восприятие – это функция действия.

Интервализация – операция, совершаемая нашим телом – есть только одна сторона более сложного процесса, в который вовлечена также и память. Операцию, осуществляемую памятью, можно назвать вслед за Бергсоном сжатием. Она включает в себя, во-первых, пассивный синтез, позволяющий автоматически связывать друг с другом последовательные моменты настоящего. Эту функцию памяти можно назвать *сгущающей*, так как она имеет в виду исключительно образование чувственных качеств. Другая ее функция осуществляет *включение* настоящих моментов в прошлое, то есть фундирует то, что длится, в том, что остается, сохраняется. Помимо этой двойной операции сгущения и сжатия, направленной на настоящие моменты времени, существуют две другие операции сжатия, имеющие отношение уже только к прошлому: *сжатие уровней прошлого* и *поступательное сжатие*. Структура памяти как таковой может быть описана как «онтологическое» сжатие (Делез), поскольку все ее уровни сосуществуют виртуально, сжаты или ослаблены. Наглядной репрезентацией «устройства» памяти является знаменитая бергсоновская схема конуса, вершина которого совпадает с настоящим моментом и является наиболее сжатым уровнем прошлого, тогда как основание есть наиболее расширенный уровень, содержащий наиболее личные воспоминания. Каждый из этих уровней прошлого содержит всю совокупность прошлого без исключения. Кроме того, память участвует в операции *психологического сжатия*, через которое каждое воспоминание должно проходить вместе со своим планом,

чтобы стать образом, актуализоваться в настоящем. Любой настоящий момент является поэтому одновременно и настоящим, и уже прошедшим, обладает психологической и онтологической стороной. Настоящее и прошлое сосуществуют, но прошлое сохраняется в себе, оно не делится, поэтому оно сосуществует целиком с каждым настоящим моментом. Таким образом, непрерывность прохождения длительности основывается и утверждается при помощи дополнительного понятия, которое можно выделить у Бергсона вслед за Делезом – понятия *сосуществования*.

В третьем параграфе «Вопросы ритма» вводятся два понятия, помогающие описать общее движение сжатия/расширения, свойственное длительности. Движение длительности, развертываемое в «Материи и памяти», отличается большей сложностью. В него вовлекаются новые элементы сознания, изменяется топика самой его формы: возникает *глубина* (в оппозиции к поверхности), начинают действовать эффекты напряжения и расслабления, длительность обретает ритм. Понятие ритма позволяет провести различие между нашей длительностью, как мы ее переживаем, т.е. индивидуальной длительностью сознания, и длительностью других живых существ, каждое из которых обладает своей манерой длиться, – будь то практически «в унисон с колебаниями эфира»²⁷, с ритмом материи, или, наоборот, все более и более отделяясь от материи, запаздывая по отношению к ее пульсациям. Если понятие ритма указывает на онтологическое различие между разными формами бытия, понятие напряжения снимает дуализм между материей и памятью внутри единой длительности, которая может разворачиваться как ближе к действию, так и ближе к воспоминанию, к чистой пассивности. Напряжение длительности обуславливается первичной силой интервализации, которой обладает восприятие и которая свидетельствует о широте его охвата. Наибольшее напряжение длительности позволяет ей как можно быстрее перемещаться между уровнями прошлого, обращаться к нужным ей воспоминаниям и тут же их актуализировать.

Таким образом, длительность восприятия определяется как взаимное напряжение (сопротивление) двух разнонаправленных потоков: центростремительного, исходящего из внешней вещи и опирающегося на чистое восприятие, и центробежного, имеющего

²⁷ Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998. С. 290.

истоком нашу память и отправляющегося от чистого воспоминания. Длительность *действует*, участвуя в решении не только проблемы дуализма (в данном случае дуализма материи и памяти), но и выступая в более общем смысле как *метод*, благодаря которому становится возможным преодоление ложных понятийных оппозиций в философии.

В третьей главе «Феномен жизни и длительность в „Творческой эволюции“ (1907)» прослеживается дальнейшее расширение значения исследуемого понятия до своего рода глобального «мышления с точки зрения длительности», внутри которого закладываются условия для создания онтологии времени. Анализируется форма и содержание этого мышления, согласно которому взаимозависимость двух основных качеств длительности – спонтанности и сопротивления, может быть обоснована только внутри жизненного, эволюционного движения.

В первом параграфе «Изобретение нового» обосновывается способность длительности к творчеству. Длительность, совпадая с жизнью, становится принципом творчества. При этом Бергсон не создает понятия жизни как такового. Наоборот, это длительность, приобретая вселенские, космические масштабы, становится коэкстенсивной жизни. Жизнь, как и длительность, является поэтому тенденцией к творчеству, к изобретению нового: «в истоках жизни лежит сознание или, скорее, сверхсознание»²⁸, утверждает Бергсон. Задача Бергсона, в первую очередь, – показать, что длительность, в отличие от абстрактного понятия времени, действительно созидательна, жизнеутверждающа, что все меняется не со временем, а во времени. Время часто представляется в образе песочных часов, т. е. как убывание будущего, перетекающего постепенно в прошлое, тогда как длительность есть привнесение нового, скорее прибавление, чем уменьшение и исчерпание. Временная последовательность – не просто прохождение, течение, форма которого беспрестанно меняется с приходом нового момента, но каждый момент полагает также разрыв, является чистым изобретением. Чтобы длиться и продолжаться, длительность нуждается не только в памяти, она сама должна обладать спонтанностью действия, творческой способностью.

С одной стороны, жизнь не обладает у Бергсона эмпирическим или биологическим статусом, но совпадает с виртуальной реальностью времени, с его потенциалом бесконечной дифференциации, то есть творения нового. С другой стороны, она

²⁸ Там же. С. 256.

есть источник органических форм, их происхождение, исток. Бергсон определяет свойственное жизни движение при помощи метафор потока, волны, течения и даже океана. Образы океана или «туманности» (*nébuleuse*) используются почти что как космологические или даже космогонические символы для обозначения зарождения первичной материи. В основе жизни лежит один-единственный механизм: накопление и расходование энергии. Но этот механизм может выражаться в каких угодно формах, в том числе и в той, которую жизнь приняла на нашей планете. В себе жизнь есть чистая имманентность, взаимопроникновение множественных тенденций, условие существования живого. Хотя жизнь проявляется в каждой живой форме, схватить жизненное как таковое можно только воспроизводя порыв, возобновляя творческое усилие.

Во втором параграфе «Начало всего: жизненный порыв» исследуется момент рождения объективной формы времени – времени мира. Этот момент соотносится с тем событием, на которое указывает образ жизненного порыва (*élan vital*), – событием встречи жизненного потока с потоком материальным. Если усилие удержания в зоне действия чистой длительности в «Опыте» было направлено на совпадение с *непрерывным течением* длительности, то теперь оно направлено на определенный ее *момент*, момент *онтологического* начала или происхождения. Индивидуальный акт воли конечен и локален, поэтому нужно не только поместить «наше существо в акт нашей воли», но сам этот акт – «в тот импульс, продолжением которого он служит». Только тогда мы почувствуем, что «реальность есть непрерывный рост, без конца продолжающееся творчество»²⁹. Этот изначальный импульс и есть жизненный порыв. Это – не понятие, но образ, который должен, в первую очередь, указывать на недостаточность существующих понятий жизни – понятий, предложенных витализмом («жизненное начало») и телеологизмом, пытавшимся определить жизнь через полагание ей некоторой цели. «Жизнь <...> это поток, хлынувший сквозь материю и извлекающий из нее все, что может, – утверждает Бергсон, – не было поэтому ни проекта, ни плана в собственном смысле слова»³⁰. Жизненный порыв как образ обозначает не жизнь как таковую, но лишь *первый* импульс жизни, выброс жизненной энергии. Это «точечный» образ, отсылающий к тому конкретному моменту времени, к той точке пространства, где минимума материи

²⁹ Там же. С. 238.

³⁰ Там же. С. 259.

хватило для того, чтобы спровоцировать спонтанную организацию жизни.

Сравнение жизни с порывом отражает два момента, характеризующие жизненное в его столкновении с материальностью: волевое усилие, сосредоточение энергии, которая в этом порыве выбрасывается, с одной стороны, и направленность, устремленность, с другой. Порыв как всплеск, бросок есть чистая форма действия, в котором не найти ни того, что бы в нем устремлялось, ни той цели, которая бы его определяла. Жизнь обладает психологической природой, утверждает Бергсон, то есть несет причину своего развития в себе. И если жизненное движение само по себе непредставимо, то, только фрагментируя этот порыв, разбивая его на множество частных и определенных порывов, уже достигших некоторых промежуточных целей, приведших к образованию новых форм, можно приблизительно его выразить.

В третьем параграфе «Эволюция как дивергенция живых форм. Сопротивление времени» за точку отсчета берется утверждение Бергсона о том, что рождение новой формы времени – это всегда рождение *множественности* времен или множественности длительностей в результате первоначального взрыва. В связи с этим прослеживается характерное для жизни движение диверсификации, диссоциации или раздвоения.

Жизненный порыв есть одновременно и спонтанность, и сопротивление: спонтанность или чистая свобода в себе, но которая проявляется в мире, то есть для себя, в виде порыва, как сопротивление, реакция на препятствие со стороны материи. Так, восприятие становится сознательным, когда оказывает сопротивление материи, высвобождаясь тем самым из-под гнета необходимости, которой подчиняется поток материальности. Это сопротивление выражается в интервализации, в приостановке определенных раздражений, исходящих от других тел. Сопротивление осуществляется и на уровне аффективности, ведь любое чувство, любое самодовлеющее проявление нашей душевной жизни есть признак прерывания нашего участия во внешнем движении вещей, наше внезапное обращение на самих себя. Но это и момент введения в материальный мир свободной спонтанности. Сознание проникает в материю, чтобы динамизировать ее, склонить в сторону организации. На основе эффекта сопротивления построена вся теория эволюции Бергсона: через сопротивление происходит диверсификация эволюционных рядов, и таким образом обосновывается идея множественности

времен. Каждая индивидуальная форма времени распадается на бесконечное количество микро-переживаний, микро-опытов длительности.

Жизнь включает в себе антагонизм тенденций, каждая из которых стремится к реализации, но при этом ощущает на себе давление со стороны противоборствующей тенденции, не позволяющей ей полностью осуществиться. Тенденция не может быть понята и объяснена без введения препятствующей ей силы. Именно благодаря этой силе она только и может непрерывно поддерживать свое стремление, подпитывать его, и в то же время оставаться только стремлением, чистым движением. Материя и сознание – только две наиболее общие тенденции. Жизнь же дробится между целым рядом различных тенденций, которые Бергсон обычно представляет попарно. Например, тенденция, свойственная любому живому существу, – это стремление к наибольшей индивидуализации и сохранению в этой стабильной форме. Ей препятствует другая, противоположным образом направленная тенденция, преследующая глобальные жизненные цели, – стремление к воспроизводству, к продолжению и умножению жизни.

В силу единства первоначального порыва, тенденции, представляющиеся как антагонистические по своим устремлениям, на самом деле являются взаимодополнительными. Каждая тенденция представляет собой лишь акцентуацию одного признака за счет другого, что не означает, что подавляемый признак полностью вытесняется. Он продолжает присутствовать и образует нечто вроде неясной бахромы вокруг того ярко выделенного ядра, которым является доминирующая тенденция. Образ бахромы (*frange*) встречается на всем протяжении «Творческой эволюции» и обозначает дополненность и взаимопереплетение различных тенденций: инстинкта и интеллекта, воспроизведения и сохранения, движения и неподвижности. В то время как жизненный порыв отмечает разрыв, внезапный бросок или прыжок в будущее, бахрома обеспечивает непрерывность перехода между тенденциями. Она указывает на общий источник происхождения.

Таким образом, длительность, определяемая как жизнь, есть множество ограничивающих друг друга тенденций, каждая из которых берет начало в первичном жизненном порыве. Космологическая модель мира, основанная на длительности, есть не что иное, как попытка построения онтологии глобального жизненного времени, причем длительность выступает здесь как

единственное возможное время мира, психологическое по своей природе.

В Заключении подводятся итоги проделанной работы и резюмируются содержательные и формальные черты понятия «длительность». Делается вывод о том, что длительность обслуживается группой сходных и взаимосвязанных понятий, задействующих различные аспекты ее значения и располагающих их в определенном порядке согласно аргументации. Подчеркивается, что в формировании понятия «длительность» участвуют как понятия, так и образы. Зачастую образы подкрепляют и как бы поддерживают понятия. Например, образ музыкальной фразы во многом проясняет характер «слитной последовательности», свойственный длительности, а топологические образы-схемы (конус, концентрические круги) «Материи и памяти» описывают принципы движения длительности в области памяти и восприятия. Также образы у Бергсона могут указывать на некоторые предпонятийные ситуации мысли. В особенности это касается целой серии образов «Творческой эволюции» (туманность, океан, поток жизни). Концептуальный анализ формы понятия длительности позволяет обнаружить объективируемую сторону длительности, тогда как образный ряд, который выстраивает Бергсон, наоборот очерчивает область непосредственного, интуитивного опыта. Трехчастное деление диссертации соответствует поэтапному расширению значения и функции понятия длительности в дискурсе Бергсона. Если в первой главе длительность анализируется в большей степени как предметное поле и противопоставляется понятию времени, во второй главе она выступает уже как чисто операциональное понятие, тогда как в третьей – становится фундаментальной формой мысли, которая способна породить онтологическую картину мира. На что бы мысль Бергсона ни была направлена, все то, что она анализирует, она пытается представить в непрерывности замкнутого на себя процесса, образующего длительность и ее форму. Мыслить гетерогенное слитно, а гомогенное отдельно, время мыслить пространственно, а пространство темпорально – вот основные постулаты мышления с точки зрения длительности.

Основные идеи диссертации были отражены в следующих публикациях:

1. Понятие длительности и философия Бергсона // Опыт и чувственное в культуре современности. М.: ИФ РАН, 2004. - 2 п.л.
2. La pensée de Bergson et le modernisme russe: L'élan et l'imagination poétique chez O. Mandelstam // Annales bergsoniennes, t. IV: L'évolution créatrice 1907-2007: épistémologie et métaphysique. P.: PUF. "Épiméthée". 2008. – 0,7 п.л.
3. О годе Бергсона и бергсонизме XXI века (в соавторстве с И. Блауберг). Вопросы философии. 2008. № 6. – 0,7 п.л.